

Юрий Пилипенко: «Когда московское правительство для разрешения в российском суде вопроса о недвижимости на территории Москвы нанимает иностранную юридическую компанию, у меня возникает недоумение. Тем более что цена таких услуг выше, а качество — так себе»

Дмитрий Гавриленко Импортозамещение права

Адвокаты готовятся к переделу российского рынка юриспруденции. «Национализация» гражданского права, уход иностранных компаний и реформирование законодательства повысят конкурентоспособность отечественных юристов

Наглядное свидетельство недоверия россиян к отечественной Фемиде — стремление более состоятельных соотечественников убежать в иностранную юрисдикцию или, что также говорит о многом, прибегнуть к услугам иностранных адвокатов. Впрочем, на фоне кризиса в отношениях с Западом экспортный вариант правосудия становится моветоном. А российские юристы заговорили о процессе импортозамещения в своей отрасли. Об актуальных проблемах современной российской адвокатуры мы поговорили с **Юрием Пилипенко**, главой Федеральной палаты адвокатов. Это негосударственная некоммерческая организация, созданная на основе федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» и объединяющая региональные адвокатские палаты. В ее функции входят представительство и защита интересов 75-тысячного корпуса отечественных адвокатов.

— **Юрий Сергеевич, как бы вы оценили отечественный рынок адвокатских услуг с точки зрения бизнеса? Каков его объем?**

— Как по доходам, так и по характеру деятельности у нас в России картина очень пестрая. Есть цифры, которые можно назвать более или менее точно, — это средства, которые выделяет государство на оказание субсидируемой юридической помощи гражданам. В уголовном процессе в подавляющем числе случаев у обвиняемого должен быть адвокат. Если у человека нет денег на то, чтобы самостоятельно пригласить адвоката, государство обеспечивает его помощью защитника по назначению органов предварительного расследования или суда. Его участие в процессе оплачивается из федерального бюджета по фиксированной ставке — 550 рублей в день. (Для сравнения: в среднем по Европе адвокат, оказывающий субсидируемую помощь, получает от государства около 100 евро в час.)

Общую сумму, выделяемую российским адвокатам, участвующим в уголовном судопроизводстве по назначению, точно определить мы не можем: нет отдельной строки в бюджете. Деньги сначала распределяются по разным ведомствам (Следственный комитет, Судебный департамент, Генеральная прокуратура, МВД), которые в свою очередь перечисляют их адвокатам. В 2014 году общая сумма, по нашим оценкам, составила порядка трех миллиардов рублей — на 75 тысяч адвокатов страны и примерно миллион уголовных дел в суде совсем немного. Тем более что мы сталкиваемся с хронической нарастающей задолженностью. Провинциальные адвокаты живут очень небогато. И таких большинство.

— **Но есть и другая сфера адвокатской деятельности — частная практика, которая должна приносить значительно больший доход.**

— Основную часть совокупного дохода юридического рынка приносят корпоративные сделки, обслуживание бизнеса, налоговые споры, дела по банкротству. По имущественным спорам возможны так называемые гонорары успеха, которые могут быть весьма внушительными. Судя по всему, в денежном выражении это большая часть рынка (хотя ее объем тоже точно

не известен), но касается она лишь небольшой части и общества, и адвокатуры. Предполагаю, что менее десяти процентов населения и адвокатов связаны с крупными юридическими проблемами и, соответственно, с крупными суммами гонораров.

Точную цифру назвать невозможно: у нас не упорядочен рынок юридических услуг, там настоящая вакханалия. Неизвестно даже количество лиц, которые оказывают юридические услуги или могут это делать.

— **Есть приблизительные оценки отечественного рынка платных юридических услуг — 3,5 миллиарда долларов. На ваш взгляд, это правдоподобная цифра?**

— Не могу ничего утверждать или опровергать. Когда неизвестно даже приблизительное количество участников рынка, невозможно определить его объем. В любом случае он на пару порядков ниже американского. В США примерно миллион адвокатов, объем рынка в 2014 году составил 257 миллиардов долларов, к 2018 году эксперты прогнозируют рост до 288 миллиардов. Средний доход одного американского адвоката за 2014 год — 132 тысячи долларов. Более 110 тысяч адвокатов входят в число самых богатых людей США, которое соответствует одному проценту от общего количества населения.

Немецкий рынок — 27 миллиардов долларов, при численности адвокатов 162 тысячи. Средний доход за год — 70 тысяч евро до налогообложения. Во Франции объем рынка — 29 миллиардов долларов, количество адвокатов — 60 тысяч. Рынок Великобритании оценивается примерно в 50 миллиардов долларов. Стоит отметить, что более половины всех крупнейших юридических фирм мира базируется в Соединенном Королевстве. Но при этом за последний год не менее 500 мелких адвокатских контор ушли с рынка. Таковы суровые будни наших зарубежных коллег.

Англосаксонский сектор рынка юридических услуг составляет примерно 70 процентов от мирового. Самые крупные и успешные российские адвокаты, простите за такое сравнение, просто «мальчишки» рядом с англо-американскими коллегами.

— **Как в связи с кризисными явлениями в экономике изменился российский рынок по объему и по характеру рассматриваемых дел?**

— Сейчас в сфере правовой помощи бизнесу достаточно заказов, юристам есть чем заняться. Увеличилось число банкротств, взысканий долгов в судебном порядке, дел о реализации прав на залогом. Падение рынка юридических услуг еще впереди, так как снижение спроса на правовое сопровождение следует за спадом экономики с лагом во времени, ведь судебные процессы могут длиться по нескольку лет.

Но в совсем иной ситуации адвокатура тех регионов, где экономика и до кризиса была в упадке. Там количество проблем, которые должны решать адвокаты, и обращений к ним уже заметно уменьшилось — их доходы заметно снизились.

Бегство в чужую юрисдикцию

— **Как вы полагаете, почему наши предприниматели предпочитают судиться в Лондоне? В чем основная причина:**

неверие в отечественное правосудие, несовершенство нашей судебной системы, изъяны в законодательстве — или все вместе?

— Англичане пока выигрывают конкуренцию юрисдикций. Они продемонстрировали всему миру, что судиться в Лондоне можно эффективнее, чем в других юрисдикциях. И туда потянулись люди не только из России, но и со всего мира.

С одной стороны, причина этому — российское гражданское законодательство, которое, несмотря на реформирование, отчасти еще слишком «императивно» — не дает возможности для самостоятельного конструирования взаимных прав и обязанностей. А отчасти чрезмерно «диспозитивно» — предоставляет судам возможность изменять объем прав и обязанностей участников договорных отношений. Результат обращения в российский суд и применения нашего Гражданского кодекса может быть несопоставим с потерями — как в плюс, так и в минус.

Например, недавно введенные в российское гражданское право положения о корпоративном договоре (ст. 67.2 Гражданского кодекса РФ), хотя и допускают возможность его заключения участниками хозяйственных обществ, однако по сравнению с английским правом существенно ограничивают круг вопросов, которые могут таким договором регулироваться. Эти излишние ограничения не позволяют российским бизнесменам в полной мере закреплять свои пожелания при оформлении по российскому праву сделок слияния и поглощения, а следовательно, препятствуют соответствующим обращениям бизнесменов в российский суд для защиты своих интересов.

Что касается «диспозитивности», то яркая иллюстрация — положение Гражданского кодекса о праве суда по заявлению должника уменьшить ранее согласованную сторонами в договоре неустойку (ст. 333 ГК РФ). При уменьшении неустойки суд должен руководствоваться только субъективным критерием соразмерности ответственности последствиям нарушения, который в каждом случае может пониматься судом по-разному. В результате применение судом этой нормы зачастую позволяет нарушителю обязательства фактически избежать ответственности, а добросовестные участники сделок в качестве компенсации получают чисто символические суммы.

С другой стороны, многие не без оснований говорят об очевидной непредсказуемости российского гражданского суда. Можно потратить значительные деньги на адвокатов, подготовку дела — и в результате столкнуться с совершенно невероятным судебным решением. Такое наверняка случается и в Лондоне, но, видимо, реже, если небедные люди потянулись туда судиться. И у нас, кстати, тоже стало случаться реже. А ведь доходило до казусов: был случай, когда спор о московской квартире между российскими собственниками рассматривался в Высоком суде Лондона.

Но все это верно для мира образца «до 2014 года». Сейчас политические обстоятельства иные. И ситуация с судами в

Лондоне, полагаю, будет меняться под влиянием этих обстоятельств в сторону «национализации».

Кстати, российское гражданское право тоже меняется. Последние шаги в ходе реформы гражданского законодательства, возможно, облегчат российским бизнесменам выбор в пользу отечественной юрисдикции. Эти решения затронули многие аспекты, делавшие российское право «неудобным» для бизнеса (отсутствие безотзывных доверенностей, сложности с совершением сделок под условием и тому подобное). Но поскольку эти изменения пока не прошли проверку временем, то можно сказать, что при решении вопроса о выборе юрисдикции бизнес действует пока в определенной степени по инерции.

— Что конкретно изменилось после 2014 года?

— Изменился горизонт планирования, он стал гораздо короче. Но главное, что изменилось, — настрой государства. Взят курс на национализацию и импортозамещение, и не каждый российский олигарх сегодня решится обратиться в юрисдикционные органы Англии и Уэльса — по причинам скорее эмоциональным. В основе своей законодательство осталось прежним, не считая регулирования контролируемых иностранных компаний, но желания ими пользоваться поубавилось. Тем более что стало понятно: активы за рубежом могут легко пострадать. Священность института частной собственности может быть нарушена не только правоохранительной системой России, но и, к примеру, банковским регулированием на Западе.

— Но готова ли российская система правосудия к импортозамещению? И в том числе адвокатское сообщество? Ведь известно, что крупные российские компании часто предпочитали нанимать иностранных юристов.

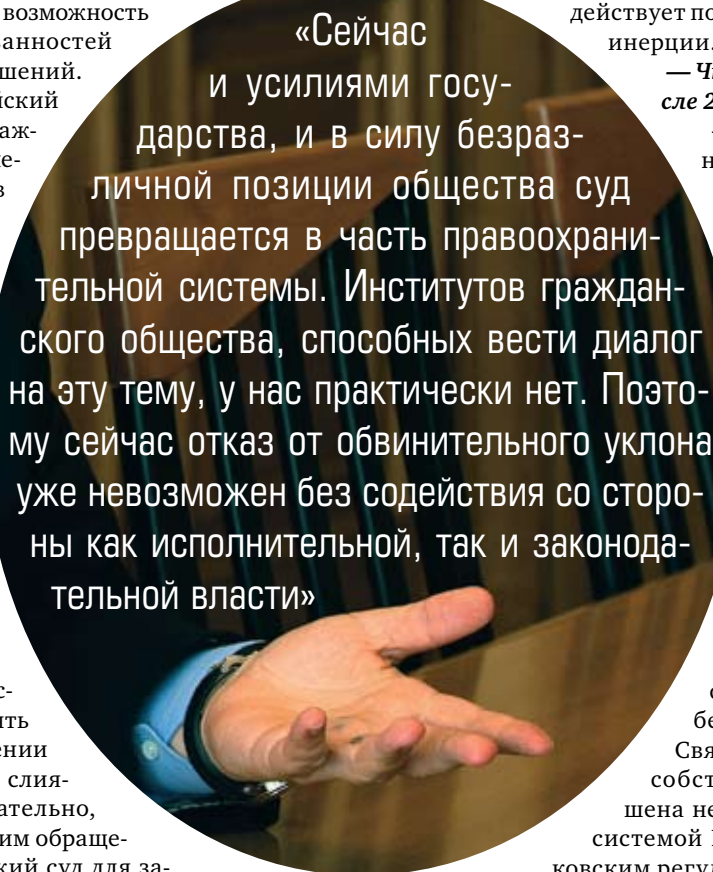
— Это нормально, если само дело касается иностранного права. Но, когда, например, московское правительство для разрешения в российском суде вопроса о недвижимости на территории Москвы нанимает иностранную компанию, у меня возникает недоумение. Тем более что цена таких услуг выше, а качество — так себе.

— И все же: по каким причинам российские адвокаты теряют часть внутреннего рынка?

— Прежде всего, рынок сам по себе начинает сокращаться по экономическим причинам. Но все потери российских фирм остались в прошлом. Сегодня мы уже готовы к «импортозамещению». Впрочем, всегда следует помнить: рынок юридических услуг зависит во многом от финансовых центров, а они не в России находятся.

— Почему «потери остались в прошлом»? Иностранцы уходят с нашего рынка? Или растет квалификация отечественных адвокатов?

— Не стану утверждать, что иностранные юристы покидают наш рынок. Хотя с учетом общего правила, что юристы всегда

«Сейчас и усилиями государства, и в силу безразличной позиции общества суд превращается в часть правоохранительной системы. Институтов гражданского общества, способных вести диалог на эту тему, у нас практически нет. Поэтому сейчас отказ от обвинительного уклона уже невозможен без содействия со стороны как исполнительной, так и законодательной власти»

передвигаются по свету вслед за своими клиентами, могут предположить, что уход из российской экономики с началом кризиса крупных иностранных компаний не мог не привести к оттоку юристов, обслуживающих этот бизнес.

Но я имел в виду другое: потери при перераспределении рынка после прихода иностранных юристов в Россию. Рынок как таковой — «образца 2013 года» или современный — и секторально, и предметно поделен между российскими и иностранными юристами. Передел рынка завершился в начале этого века, и все потери, которые могли понести российские юристы, они понесли ранее. Поэтому сокращения сферы деятельности российских юристов ожидать не следует.

Напротив, мы можем предполагать, что с уходом крупных иностранных компаний и юристов, их обслуживающих, увеличится спрос на отечественных юристов, тем более в современных условиях, когда, возможно, российские монополии, в прошлом повсеместно пользовавшиеся услугами иностранцев, откажутся от них. Вполне вероятно, что их место займут серьезные российские юридические компании, которые за последние 15–20 лет значительно выросли в профессиональном отношении и сейчас уже ни в чем не уступают иностранным.

Обвинение сильнее

— Интересно узнать мнение адвокатского сообщества о некоторых нюансах отечественной системы судопроизводства и законодательства. К примеру, на сегодняшний день закон позволяет любому человеку, даже не имеющему юридического образования, представлять интересы другого лица в суде по гражданскому делу. Вы, насколько я понимаю, категорически против такой возможности. Почему?

— Да, любой гражданин, вне зависимости от своего образования и квалификации, получив доверенность от заинтересованного лица, может прийти в суд и говорить там все, что считает нужным. О какой квалифицированной защите прав и законных интересов граждан в суде может идти речь? Это безобразие, и мы давно призываем навести порядок с доступом к правосудию. Такая ситуация, как в России, существует только на Украине, в Молдавии, Киргизии, Албании и Конго. В большинстве стран мира де-юре и де-факто установлена монополия адвокатов не только на представительство в суде, но и на консультирование по вопросам права.

Адвокат — это же не только юридическое образование. После получения диплома необходимо не менее двух лет поработать юристом, а после этого попытаться сдать достаточно сложный экзамен, который в среднем по стране выдерживают не более 70 процентов претендентов. Действующие адвокаты обязаны повышать свою квалификацию, посещать лекции по изменениям в законодательстве и судебной практике. Кроме того, в каждой региональной адвокатской палате есть квалификационная комиссия, которая за нарушения кодекса профессиональной этики и закона об адвокатуре может адвоката и статуса лишить. А это серьезное наказание.

Но отсутствие монополии размывает действенность этой меры. Ведь если мы лишаем нерадивого адвоката статуса, он может на следующий день получить доверенность на ведение дела и снова заняться судебным представительством. Когда человек способен сам представлять свои интересы, это его право. И адвокатская монополия не лишит его этого права. Но мы хотим, чтобы все свободно практикующие юристы, желающие быть судебными представителями, пришли в адвокатуру. Мы для этого открыты.

— Известно, что судебная система в России имеет обвинительный крен — у нас оправдательных приговоров

менее пяти процентов. Почему судьи склонны больше прислушиваться к аргументам обвинения, чем к аргументам защиты?

— Ожидаемая реакция адвоката на этот вопрос — «поношение» правосудия, особенно в части уголовного процесса. Но я сторонник более взвешенного подхода к оценке суда в целом.

Нужно понимать, что в судебную систему входят не только уголовные суды, но и суды арбитражные, гражданские. И в цивилистическом блоке правосудия все более или менее пристойно, даже есть явления, заслуживающие превосходных оценок. (Хотя в гражданском процессе всегда как минимум одна сторона недовольна, так как она — проигравшая.) Уголовные дела и сам процесс вынесения приговора, практически всегда обвинительного, — вот где кипят страсти. Надо признать, что претензии и общества, и адвокатов, связанные с предсказуемостью уголовного суда, имеют основания. Суд зачастую просто следует в фарватере и следствия, и обвинения. И заслуживает в этой части критики.

Независимая судебная власть, независимый суд, с одинаковым вниманием воспринимающий аргументы и защиты, и обвинения, — необходимое условие реализации принципа верховенства права. Сейчас и усилиями государства, и в силу безразличной позиции общества (хочу подчеркнуть: практически всего общества!) суд превращается в часть правоохранительной системы. И в этом положении становится уязвимым.

— Каким же образом в этом виновато общество?

— Общество в подавляющей части индифферентно к тому положению, в котором находятся наши правосудие и адвокатура. Институтов гражданского общества, способных вести диалог на эту тему, у нас практически нет.

Поэтому сейчас отказ от обвинительного уклона уже невозможен без содействия со стороны как исполнительной, так и законодательной власти. Суд, вызывающий чрезмерное раздражение, — это проблема не только суда и адвокатуры. Это общая проблема. И если кто-то пытается представить ситуацию как напряженность по линии «адвокатура — суд», то, сознательно или нет, критически уменьшает масштаб проблемы и делает ее все более неразрешимой. Независимый суд в целом нуждается в постоянной и последовательной поддержке всего общества, адвокатуры, СМИ, государства. Но справедливости ради нужно отметить, что и суду следовало бы предпринимать определенные усилия для демонстрации независимости.

— И какие меры содействия со стороны исполнительной и законодательной власти необходимы?

— Как минимум отказ от давления на суд. Давления разнопланового — морального, финансово-бюджетного, оперативного. Было бы хорошо и следствию, и оперативным службам соблюдать более заметную дистанцию по отношению к суду.

Главное — усиление роли и значения адвокатуры. Образно говоря, мы имеем дело с деформацией, когда развито и работает только одно плечо — левое, обвинительное. Отсюда и перекос.

На практике обвинительный уклон приводит к исчезновению веры в справедливость суда и государства. А важно это или нет, решайте сами. Мне это представляется важным, но есть немало представителей власти, для которых вера в справедливость — абстрактное понятие, не более того.

— Помимо обвинительного уклона суда, какие, на ваш взгляд, проблемы есть в сфере уголовного правоприменения?

— Основная проблема сегодня состоит в чрезмерном расширении границ применения Уголовного кодекса. Его задачи — пресечение и предупреждение общественно опасных деяний,

но ситуация такова, что почти любое нарушение гражданско-правовых обязательств, которое в нормальной ситуации повлекло бы за собой обращение с иском в арбитражный суд, приводит к возбуждению уголовного дела и, к сожалению, лишению свободы предпринимателей, а следовательно, разорению их бизнеса.

Отсюда вопрос: а что опаснее для общества — неисполнение договорных обязательств (их исполнение восстанавливается или компенсируется арбитражным судом) или разрушение предпринимательской среды? Один из моих коллег как-то заметил: «Сегодня сержанты следствия обвиняют маршалов экономики, как в 1937 году». Я с ним скорее не согласен, но что-то в этом замечании, увы, есть.

И суды не критично относятся к такому расширению рамок применения уголовной репрессии, хотя им следовало бы реагировать должным образом. Надеюсь, что у руководства Верховного суда есть и понимание этой проблемы, и воля к исправлению положения. На Следственный комитет надеяться здесь не приходится.

— Если судья не принимает доводов адвоката, который указывает на существенные нарушения со стороны следствия, какие меры воздействия на такого судью существуют?

— Только обжалование незаконного либо необоснованного решения в суде вышестоящей инстанции. Мера, признаюсь, не очень эффективная, но ничего другого нет. На последнем Пленуме Верховного суда, посвященном проблемам уголовной защиты, некоторые судьи говорили, что адвокаты разными способами тормозят процесс. Я ответил, что адвокаты не мешают в процессе, они — часть процесса. Не менее важная, чем сам суд.

— Суд присяжных ставит адвоката в равное положение с обвинением?

— Мы, адвокаты, рассматриваем суд присяжных как общественное благо. Нам он дает шанс реализовать себя как профессионалов, а обществу — надежду. По разным оценкам, количество оправдательных приговоров в судах присяжных составляет от 17 до 25 процентов. Мы были чрезвычайно рады, когда по инициативе президента России суд присяжных получил развитие в нашей стране. Но это начинание, очевидно, вошло в противоречие с мироощущением наших «правоохранителей», с их нежеланием повышать свой профессионализм.

Столкнувшись с тем, что суды присяжных выносят оправдательные вердикты, представители обвинения оказались перед выбором: либо более тщательно собирать и фиксировать доказательства, либо постараться сузить компетенцию суда присяжных, что и произошло. Ведомственный интерес подавляет общегосударственный. К сожалению.

При этом не могу не заметить, что судьи, кажется, сами раздражены судом присяжных. Это же хлопотно, и в практике появилось много «обыкновений», парализующих защиту. Будь жив сегодня Плевако, он бы и десяти минут не продержался в таком суде присяжных. Он был бы дважды предупрежден, отстранен от защиты и, возможно, даже вынесен из помещения суда, как это у нас уже случилось.

— Бывают ли случаи давления следствия на адвокатов?

— Бывают. Например, у адвокатов проводятся обыски. Законом установлено, что обыск в жилом или служебном помещении адвоката может быть проведен только по решению суда. Но суд зачастую формально относится к этой процедуре, принимая решение об обыске без достаточных оснований. А следователи изымают все, без разбору, в том числе материалы, составляющие адвокатскую тайну, парализуют работу адвокатских контор и коллегий. По стране у нас примерно два десятка таких случаев в год. Мы боремся, чтобы прекратились эти нарушения, и будем бороться дальше.

— В западных странах принято формировать политическую элиту из профессиональных юристов, в том числе адвокатов. В России политические партии и государственные органы власти почти не пользуются этим подготовленным резервом. С чем это связано?

— Возможно, с современной ментальностью, сформированной представителями силовых ведомств. Адвокат, защищающий гражданина в суде — а в этом состоит его профессиональный долг, воспринимается как человек, не заслуживающий доверия, чужой. Уверен, что это временно. Ведь когда мы говорим о тех, кто сейчас входит в интеллектуальную элиту властных структур, обязательно вспоминаем в их числе людей, пришедших из адвокатуры, — Андрея Макарова, Владимира Плигина, Михаила Барщевского. Надеюсь, что количество представителей нашей профессии во власти будет возрастать. Это принесет пользу стране. И это неизбежно, если Россия намерена стать ведущей державой XXI века.

■ Фотографии Екатерины Горбуновой

